

Психолингвистический анализ картины мира в религиозном движении «Анастасия»

Саракаева Элина Алиевна,
кандидат философских наук, 2003

Движение «Анастасия» принадлежит к числу так называемых «экологических» религиозных групп. Идейной основой мировоззрения таких групп является пантеизм, связанный с обожествлением сил природы. Начало движению дала публикация серии книг Владимира Пузанова, пишущего под псевдонимом Мегре, о лесной жительнице по имени Анастасия. Эти произведения быстро распространяются и находят себе многочисленных поклонников, объединяющихся в группы и общества.

Согласно книгам Мегре, Анастасия, в чьем реальном существовании не сомневаются сторонники движения — представительница рода «сверхлюдей», обладающая уникальными способностями. Она может непосредственно общаться с «высшим разумом», предвидит будущее и может его изменять, способна исцелять мыслью, владеет гипнозом, телепатией, телекинезом, знает все существующие языки. Ей доступно все знание человечества, она «является неотъемлемой частью Природы» (1, 36). Экологическая направленность здесь очевидна — героиня является как бы олицетворением природы. Все поведение Анастасии подчеркивает тесную связь с природой — она живет на поляне в лесу, кормят ее белки, она постоянно трогает и «быстро поглаживает» листья и ветки растений.

Миссия Анастасии — объяснить людям «пагубность технократического пути развития» и указать путь к первоисточкам (1, 48). В дальнейшем читатели узнают, что предназначение Анастасии состоит в том, чтобы родить Мессю (от самого Владимира Мегре), что она и делает. Этот ребенок уподобляется Христу, на его рождение указывает звезда, подобная Вифлеемской.

Обожествляется в группе и сама Анастасия. Она неоднократно сравнивается с богиней: «Анастасия является совершенным человеком, подобным Богу»; «В прессе ее называют «Хозяйкой Тайги», «Сибирской ведуньей», «Предсказательницей», «Божественным проявлением» (2); «Ты, наверно, первая, кого называют богиней, но не поклоняются, а говорят как с близким другом» (2, 202).

Доктринальная концепция движения «Анастасия» очень сумбурна и не выдерживает сколько-нибудь серьезной религиозоведческой критики. Это учение, по мнению религиоведов, представляет из себя «хаотический навал высказываний о божественном» (4, 64).

Представление о Боге в книгах Мегре сначала антропоморфно: Бог — личность, упоминаемая с большой буквы. Потом он понижается в ранге до «вселенского разума». В третьей книге предлагается архаический сюжет: Бог творил человека и так этим был увлечен, что не успел подумать о себе самом и не создал свой собственный облик. Кроме него, существуют светлые и темные сущности, силы космоса и т.п. Также признается карма и переселение душ; из теософского пантеона заимствовано представление о Боге как об энергии, разлитой по Вселенной.

Элементом, заимствованным из практик нео-языческого магизма является представление о том, что мечтой — только не абстрактной, а детализированной до мельчайших подробностей — можно сотворить все, что угодно. Хочешь иметь автомобиль — представь его в мельчайших подробностях (1, 58). Это учение квалифицируется как «визуализация» и является распространенной магической техникой, основанной на вере, что человек сам является творцом собственной реальности (3, 66).

Одной из особенностей текстов серии «Анастасия», общей со многими нью-эйджеровскими произведениями, является частое использование имен мифологических и исторических персонажей. Они перечисляются в один ряд и тем или иным образом связаны с Анастасией. Тем самым Анастасия, культовый персонаж, включается, по замыслу автора, в ряды богов, пророков и деятелей культуры. «И что же, знания лам Востока, Мудрость Будды и Христа, Йоги она знает? — Знает. (1, 359)». Анастасия, окруженная «божественным» ореолом, помещается в центр религиозной картины мира.

Характерно, что автор, В.Мегре, не обладает багажом знаний о персонажах, перечисленных через запятую. Так, в вышеприведенном отрывке автор персонифицирует учение йогов, превращая его в какую-то Йогу; Майтрею автор причисляет почему-то к «женским» божествам, хотя это — Будда грядущих времен, пол которого вообще не обозначен. Бог завещал человечеству, по словам Мегре, «сиять отныне в нави, яви, прави!». Привлеченный славянским звучанием этих слов, Мегре, кажется, не знает, что «навь» — это воплощение болезни и смерти, а также мертвец, труп (4).

Примером подобного же невежества является такой отрывок: «Шунята древней ведической литературы как раз и есть универсальная вычислительная машина (1, 19)». Шунята — это, наверное,

шуньята, понятие буддийской (а не ведической) философии, обозначающее бессущность, пустотность всех явлений. В ведической же философии оно резко критиковалось (4, 69).

Так же странно перечисление через запятую имен «просветленных», открывавших до Анастасии частицы истины человечеству. Это славянский «скотий бог» Велес, персонажи индийских эпосов Кришна и Рама, Иисус Христос, Аллах, Будда. Подобное нагромождение имен ориентировано на читателя, знакомого с ними понаслышке, из научно-популярных изданий и художественных фильмов, но не знающих достоверных исторических фактов и философских систем, связанных с упоминаемыми лицами. С помощью такого приема создается прецедентность текстов — читателю намеренно преподносятся малознакомые имена, призванные добавить весомости постулируемым тезисам.

Для ответа на вопрос, какое психическое состояние моделируется книгами и стихами про Анастасию, обратимся к психолингвистическому анализу текстового материала. Основой нашего анализа послужит подсчет лексических элементов, анализ текста по эмоционально-смысловой доминанте и в целом реконструкция авторского замысла (4).

Текст, особенно художественный, всегда конструирует некую модель или образ мира. Сам текст является языковой моделью мира его автора. И всегда в художественном тексте находит отражение не только смысл, или сюжет — но и отношение к жизненным ценностям. Как пишет известный психолингвист В. П. Белянин: «В тексте есть как минимум две части: информационная и эмоциональная (эпитеты, метафоры, образы). Именно эмоциональная составляющая текста и оказывает основное влияние на читателя» (5, 9-10).

В художественном тексте, по мнению ученого, эмотивность изначально задана при порождении. В рамках разработанной В.Беляниным теории эмоционально-смысловой доминанты различаются тексты «веселые», (эмоция радости), «печальные» (грусть, печаль), «светлые» (умиротворенность), «активные» (радость борьбы), «темные» (страх и злоба), «красивые» (негодование и удивление).

Каждому из этих типов текстов соответствует свой психологический тип личности, своя акцентуация. Более того, «содержание такого рода эмоций диктует структуру текста на всех уровнях его построения — сюжетном, фабульном, событийном. Оно определяет диспозиции персонажей и их функции, синтаксис фраз, и, конечно, метафоричность» (6).

Что же показывает психолингвистический анализ текстов Мегре?

Несмотря на традиционные для нью-эйджерских групп призывы к любви и единению, лексика «светлого» плана, соответствующая паранойяльной акцентуации личности, не высоко частотна. Такие концепты, как «любовь», «свет», «истина», встречаясь в тексте, отражают неизбежную тематику религиозных текстов и представляют собой, по нашему мнению, скорее условность жанра. Уже на синтаксическом уровне «светлая» доминанта не проявляется. В отличие от «светлых» текстов, которым присущи развернутые сложносочиненные предложения с избытком параллельных конструкций, текстам Мегре свойственен отрывочный, «телеграфный» размер, в них часто встречаются нарочито короткие предложения: *«И он необычно быстро и легко побежал к Анастасии. Она со смехом убежала, петляя по поляне. Дедушка не отставал, но и догнать не мог. Вдруг дедушка охнул и присел, схватившись за ногу. Анастасия быстро повернулась, на лице ее было волнение.»* (2)

В книгах про Анастасию высоко частотна лексика с резко негативной дентоацией. В этом плане обращают на себя внимание не только книги Мегре, но и многочисленные лирические произведения последователей движения «Анастасия»: *«Я адским зудом исхожу»; «Все наше вязкое уродство, И грязь, и смрад, и веицизм, и злобство...»* (7). В лирических произведениях самого Мегре также наличествует лексика этого плана: *«Одурманено и рычаще Время зверя глотает плоть»*. В прозаических произведениях Мегре «темная» лексика еще более частотна. Часто встречаются лексические единицы, реализующие такие концепты как «тьма», «ад», «злоба», «страх»: *«Эй, предсказатели веков, тьму человеку предрекавшие, тем самым сотворившие и тьму и ад...Теперь о войнах не мечтайте. За интересы меркантильные свои обманом мракобесия людей в войну не вовлекайте»* (2, 211).

Поклонники Анастасии чтят древние языческие сооружения — дольмены. Согласно их учению, люди, жившие у первоистоков человеческой культуры, придавали им особое значение. Но и об этих «святых» местах повествуется с применением «темной» лексики — «могила», «замуровать», «смерть»: *«(Предки медитировали) будучи закрытыми каменными пробками в этом погребальном доме, замурованными заживо»*.

Характерной чертой «темных» текстов, создаваемых на основе эпилептоидной акцентуации (4), является неоднократное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов. Героиня романа то и дело

использует слова «дедулечка», «прамамочка» (!), ее саму поклонники зовут «Анастасиюшка». Ярко выраженным компонентом «темного» текста является слово «грязь», нередко встречающееся на страницах книг про Анастасию. Упоминание грязи и нечистот часто встречается и в лирике последователей движения. У самого Мегре сема «грязь» соседствует с семой «секс». Причем, в отличие от «красивых» текстов, где в лексической реализации этого концепта на передний план выступает эротика, в серии «Анастасия» интимные отношения предстают в виде какой-то тяжелой, безрадостной порнографии. То и дело упоминаются изнасилования, половые контакты и сексуальные фантазии. Даже протагонист серии, Владимир, от лица которого ведется повествование, встретив первый раз в лесу Анастасию, сразу же попытался изнасиловать ее (1).

В целом «темная» (эпилептоидная) эмоционально-смысловая доминанта текстов позволяет говорить **об агрессивном отторжении окружающего, негативных жизненных установках, склонности искать и находить повсюду врагов. Когнитивная модель «темных» текстов основана на жесткой оппозиции добра, представленного узкой группой единомышленников, и зла, носителями которого выступают злодеи и некие почти демонические сущности — невежи, полулюди, стяжатели — иными словами, инакомыслящие, посягающие на авторитет религиозного лидера, Анастасии, и тем самым готовые гибель всему человечеству.**

Помимо первичной «темной» доминанты, в анализируемых текстах наличествует **вторичная** эмоционально-смысловая доминанта. В книгах часто встречаются элементы «красивого» (демонстративного) текста. Характерный компонент такого рода текстов (заметим, что к ним принадлежит жанр женских романов) — таинственность. Анастасия, загадочная обительница тайги, живет в некоем месте, недоступном для непосвященных. Она открывает Мегре и его читателям скрытые истины, причем ее вещания покрыты ореолом тайны. Эффект таинственности достигается приемом сознательных недомолвок. Персонажи обмениваются неясными для читателя — и самого протагониста — намеками, что, по замыслу автора, должно придать повествованию загадочность и значимость. К примеру, неожиданно упоминается какой-то «Он», не связанный с предыдущим повествованием, — но кто такой таинственный Он, персонажи так и не проговариваются.

В «красивых» текстах большое внимание уделяется описанию цвета, окраски объектов. Там, как правило, присутствует вся палитра. Анастасия, например, умеет раскрашивать цветы разными красками. В согласии с особенностями «красивых» текстов, в книгах Мегре часто упоминаются животные: белки, медведи, собаки, птицы. Анастасия знает их языки, а звери прислуживают ей и снабжают продовольствием (дивно хороши эпизоды, в которых Анастасия забавляется, подбрасывая в воздух медведей и т.п.). Последователи движения «Анастасия» также отдают должное этой теме, перечисляя в своих стихах разнообразных представителей фауны, от морского ежа до марала (7).

«Красивым» текстам свойственно заострять внимание на том, как герои движутся, какие позы принимают. Движения Анастасии самые хаотичные. Подчеркивая раскрепощенность лесной жительницы, ее свободу от условностей, автор заставляет ее то и дело совершать прыжки и акробатические трюки. Обилие разных движений доходит до абсурда при описании дедушки Анастасии. Так, в эпизоде, в котором родственники отшельницы узнают, что она ожидает ребенка, будущего Мессии: *«Дедушка заволновался, засуетился, подбежал к стоявшим на коленях своему отцу и внучке. Засеменил вокруг них, развел руками, потом вдруг и сам опустился на колени, обнял их...»* (2)

Вторичная «красивая» доминанта текста свидетельствует о демонстративной акцентуации его создателя. Тексты этого рода, по словам Л. Толстого, нацелены на «воздействие на внешние чувства, то, что называется поразительностью... читатель заинтересован и этот интерес принимает за художественное впечатление» (8).

Когнитивная модель, заложенная в текстах такого рода, предполагает наигранность переживаний при внешней демонстративной аффектации чувств. Установка этого текста — воздействовать на воображение читателя, поразить его мелодраматическим эффектом.

Сопоставляя когнитивные модели текстов «Анастасии» — «темную» и «красивую», можно прийти к выводу о своеобразной картине мира, которую эти тексты моделируют. Такому миропониманию присуще дуальное деление мира на «своих», вовлеченных в группу, и «чужих», врагов; определенная экзальтация чувств, и даже слащавость, сопряженная с агрессивностью, направленной вовне — черты, характерные для религиозного объединения (секты) авторитарного типа.

Библиография

1. Мегре В. Звенящие кедры России. — 1988.
2. Мегре В. Пространство любви. — 1999.
3. [Прозрение, № 1 \(6\), 2001.](#)
4. [Иванов Петр, священник. Культ Анастасии: таежный сериал для советской образованщины, или Гитары, деньги и кедровая каша в голове // Прозрение, № 1 \(6\), 2001.](#)
5. Беянин В. П. Эмотивность и доминанта художественного текста // Когнитивные и культурологические подходы к семантике. — 1999.
6. Беянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. — М., 2000.
7. <http://www.anastasia.ru>
8. Толстой Л. Н. Что такое искусство? — М., 1985.
http://volken.narod.ru/linguistics/Sarakaeva_EA/Anastasia_world_picture.html